

О ЛОБОДИНОЙ Е. И. — ПЕШКОВОЙ Е. П.

ЛОБОДИНА Евгения Ивановна, родилась в 1904 в Черниговской губ. В 1920 — окончила гимназию, работала в конторе Отделения службы движения Южной железной дороги. С 1921 — вошла в общину Украинской Автокефальной Православной Церкви. 10 сентября 1929 — арестована в Полтаве как «участница контрреволюционной организации». 19 января 1930 — приговорена к 3 годам ИТЛ и отправлена в Дальлаг.

В июле 1930 — к Е. П. Пешковой обратилась за помощью ее мать, Дарья Васильевна Лободина.

<25 июля 1930>

«Многоуважаемая Екатерина Павловна,

Я, жена железнодорожного инвалида Дарья Васильевна Лободина, обращаюсь к Вам с просьбой помочь мне в моем великом горе и принять участие в облегчении наказания, несущего моей дочерью Евгенией Ивановной Лободиной. Дочь моя была арестована 10 сентября 1929 года Полтавский ГПУ и содержалась ДПР до конца февраля 1930 года в строгой изоляции, а потом административно выслана в концлагерь г<орода> Владивостока. Ей предъявлено обвинение по ст<атье> 54/10 в принадлежности к контрреволюционной организации, а именно украинской авто-кефальной церкви. Расскажу Вам обо всем, касающемся моей дочери, откровенно и правдиво.

Дочь моя окончила курс 6 кл<асса> прежней гимназии и, ввиду закрытия таковых в 1920 году, еще совсем девочкой поступила конторщицей на станц<ии> Полтава-Южная, где безупречно прослужила два года. В 1922 году во время сокращения штатов служащих, как самая молодая и живущая при тогда еще служившем отце (в то время, когда двум служить нельзя было из одной семьи), была сокращена. Как хорошей работнице, ей обещано было админист<рацией> станции вернуть службу при первом представившемся случае. В это время открылась в Полтаве общеобразовательная школа, и дочь поступила туда, дабы продолжить образование. Закончила курс одна из лучших учениц в 1924 году. Теперь она обращается к железнод<орожной> администрации с просьбой дать ей место. Тут и начинается жизненная трагедия моей дочери. За время двухлетнего учения в школе по незнанию дочь не регистрировалась в союзе конторщиков и теперь выбыла из союза, а с этим потеряла право и на службу; с 1924 года осталась вне союза и без места службы. Попытки попасть в союз и получить службу остались напрасными, ибо время затянулось благодаря продолжительной болезни дочери. Дочь от природы слабого здоровья, а усиленные занятия в школе, переживания неудач еще больше расстроили здоровье. Ея болезнь не только не позволила ходить, хлопотать, волноваться, а иногда даже двигаться по комнате: расширение сердца и болезнь легких. Как мать и человек, отдавший много лет общественной учительской деятельности в деревне, я хотела, чтобы дочь моя получила правильное понимание современной политической жизни и научилась практически быть полезной современному обществу, выработать правильное мирозерцание. Я и муж мой очень хотели, чтобы дочь училась в институте народн<ого> образования. Дочь тоже очень хотела учиться, ибо курсы общеобразоват<ельные> представляли школу переходного и крайне неопределенного характера. Новая неудача дочери: врачи категорически запретили учиться ей. Вот теперь она остается совершенно выбитой из колеи, вне влияния школьной и профессиональной среды, также и товарищеской. Все это не могло не отразиться на некоторых особенностях характера и образа жизни, приведших к естественно ненормальным следствиям. Сознание своей

неприспособленности, не имея в руках дела, на которое могла бы применить свои молодые силы и знания, не имея материальных средств, как человек взрослый, к тому впечатлительный и нервный, она ужасно страдала до болезненности. С детства дочь очень тихая, скромная, серьезная и впечатлительная под влиянием всех неудач делается совершенно замкнутой в себе, держится одиноко, без подруг, знакомств, ее ничто не интересовало. Постоянно была в каком-то угнетенном настроении. Она мне, как матери, говорила, что дальше уже ни моральных, ни физических сил нет к жизни, что она совершенно человек, выброшенный за борт общества, что ей особенно тяжело сознание, что отрывает кусок хлеба от семьи в то время, как ей долг помочь слабоздоровому отцу; последнее время мысль о самоубийстве не оставляла ее. Она страдала, мы, глядя на нее, страдали тоже. Всегда говорила, что, если бы пристроиться служить где-нибудь, даже без жалования или на самое ничтожное, то она ожила бы, она чувствовала бы, что полезный член общества. Желание найти какой-нибудь смысл жизни, где-то приложить свои силы, нашли свое осуществление в увлечении религиозной идеей и во вступлении в члены религиозной общины украинской автокефальной церкви, в тот момент ее существования, когда общество понимало ук<раинскую> автокеф<альную> церковь, как религиозную общину. Правда, еще с детства уже были склонности к религиозности (всегда посещала церковь, выстаивая все самые продолжительные службы). Религиозная община ук<раинской> ав<то>кеф<альной> ц<еркви> избрала ее секретарем "парафиальной рады". Я и муж были против активности в работе религиозной общины, скажу, что нам было обидно, что дочь — человек молодой и настолько обездоленная, что нашла применение своих сил на столь непродуктивном деле по нашему убеждению. Наши стремления переубедить дочь и отвлечь ее от церкви и работы в общине приняли форму категорического требования, когда в общество стали проникать сведения, что ук<раинская> автокеф<альная> ц<ерковь> имеет не только религиозный характер.

Дочь нам объясняла свое пребывание в церкви только лишь религиозными побуждениями, ни с кем, ни с<о> служителями церкви, ни с членами религиозн<ой> общины вне церкви не имела знакомств, ни у кого из них не бывала, и у ней никто не бывал, ни в каких, кроме официально-разрешенных властью общений, собраний, не бывала. В своем выполнении обязанностей секретаря она усматривала выполнение только формальной стороны (один раз в неделю ходила в администр<ативный> отдел за разрешением на собрание и утверждение повестки, а после собрания носила протокол на утверждение администр<ативного> отдела). Личной же инициативы в делах общины никогда не выявляла. Когда же начали ходить слухи о том, что ук<раинская> автокеф<альная> ц<ерковь> имеет характер не только религиозный, то дочь сказала нам, что она решила оставить секретарство и совсем уйти из церкви, только ждала очередного собрания общины, чтобы заявить ей о своем уходе, как десятого сентября была арестована. При обыске ничего компрометирующего дочь не обнаружено, да и не могло быть чего-нибудь и по настроению дочери и потому, что она жила с нами. Обыск и арест как для дочери, так и для нас были ужасной неожиданностью, и полным недоразумением об мотивах ареста. Только вопрос стал ясным в начале 1930 года, когда начали публиковать о раскрытии в Киеве организации С. В. Г., о существовании которой как дочь, так и мы не знали, и о признании автокеф<альной> церкви в контрреволюционном характере, связанном с организацией С. В. У. Раз церковь автокеф<альная> признала себя организацией против государ<ственного> строя, то безусловно, хоть и не предумышленно, но дочь попала в нелегальный лагерь. Ужасно тяжело

переживать такое горе, зная дочь, как за тихую скромную девушку, нигде и ни во что не вмешивающуюся. Не подумайте, глубокоуважаемая Екатерина Павловна, что это я говорю пристрастно, нет, я говорю не свое лишь мнение о ней, а лишь общества, окружающего нас, общества, которое знает нашу семью 19 лет (служил муж на ст<анции> Полтава-Киевская 19 лет, жили все время в одной квартире), где прошла вся жизнь дочери до дня ареста. Кроме добрых, ласковых, симпатичных отзывов о ней мы не слышали больше ничего.

Да, дочь моя заблудилась, она заслуживает наказания, я это знаю, она тоже поняла свою ошибку при первом моем свидании с ней, которое было в конце февраля перед высылкой через 6 с лишним месяцев после ареста, когда я сказала дочери, что как она ошиблась в характере ук<раинской> автокеф<альной> ц<еркви>. Она мне сказала: "Да, мамочка, я виновата, хоть и не сознавая, и не желательна я очутилась в положении, за которое понесу должную кару". Думаю, что в этой самооценке дочь права, ибо то отсутствие у ней последовательно выдержанной советской школы, могшей дать широкое политическое воспитание и умение ориентироваться в политическом направлении окружающих, привело ее к тому, что она допустила эту невольную политическую ошибку. Вот и все, что я чистосердечно, беспристрастно написала Вам. В заключение скажу, что весь этот ужас произошел от горько сложившейся ее жизни, от безработицы. Будь она занята делом, у нее не было бы времени уделять церкви.

Оставленные занятия в школе, переживание неудач еще больше ухудшили ее здоровье. Ее болезнь не только не позволяла ходить, хлопотать, волноваться, а иногда даже двигаться по комнате: расширение сердца. Сознывая вину дочери и признавая справедливость кары, я, как исстрадавшаяся в этом горе мать, прошу Вас, глубокоуважаемая Екатерина Павловна, не откажите разобраться во всем, сказанным мною, окажите свое внимание на мою просьбу о дочери, похлопочите пред высшим органом ОГПУ о пересмотре дела дочери и о смягчение наказания. Она очень слабого здоровья, которое в последнее время еще больше расстроилось, что подтвердило медицинское освидетельствование в ДПР. У ней порок сердца, болезнь легких. Она не сможет выдержать высылку три года в концлагере, она погибнет, безусловно погибнет. Упрашиваю Вас, Екатерина Павловна, как добрую, отзывчивую на чужое горе женщину, обратите внимание на эту бедную девушку; я о Вас узнала от человека, которому Вы помогли своим ходатайством пред властью.

Дочь моя сама будет писать и просить Вас.

С этим письмом к Вам посылаю Вам и просьбу мою в ОГПУ, которую направьте куда нужно. Я не знаю, где окончательно решалось дело дочери в Москве или Харькове, а потому в заголовке на просьбе не указываю.

Пишу Вам и свой адрес и убедительно прошу Вас ответить, что найдете нужным на мое письмо к Вам.

С глубоким уважением к Вам убитая горем мать гражданка
Дария Васильевна Лободина.

1930 г<ода> июля 25.

Адрес: г<ород> Полтава, Киевский вокзал, поселок Эльяшивичи, ул<ица> имени 9-го сичия, № 27
Дарии Васильевне Лободиной»¹.

На письме — пометы:

«Пересл<ать> в Харьков на заключен<ие>».

¹ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 515. С. 218-220. Автограф.